

Глава первая

Торжественное начало каникул

Как-то неожиданно придвинулся месяц май. Только что на деревьях почки были, лужи сверкали скользкие, общая влажность была. А тут раз-два — и всё вышло, листья возникли, жухлая трава зазеленела и в школе занятия закончились.

Дядя Фёдор стал в деревню проситься:

— Там кот Матроскин и Шарик меня заждались.

Мама не хотела дядю Фёдора в деревню пускать. Она говорила папе:

— Только я отучила его от деревенских привычек — бегания и мотания на велосипеде. Только я его к театру приучила, к компьютеру, к книжкам, к сидению за столом по пять часов, как он опять на волю просится!

Папа сразу сказал:

— У него от компьютера глаза квадратными получились.

Потом раскипятился и произнёс целую речь:

— Да от твоего сидения за столом он по полчаса разогнуться не может. Да от городского воздуха он совсем зелёным стал. Ему при таком маскировочном цвете в спецназ идти хорошо. Его в лесу даже свои не найдут. Пусть в деревню едет.

Мама поскрипела, поскрипела немного, но согласилась:

— Пусть.

Кот Матроскин и Шарик дядю Фёдора на тракторе на электрической станции встречали. Они от радости сразу на нём повисли, и все вместе на землю шлёпнулись.

Как только наши приятели сели на трактор, зелёный дядя Фёдор заявил:

— Вы как хотите, а я всё лето буду отдыхать. Я буду торжественно ничего не делать.

— Это как? — спросил кот Матроскин.

— А так. Торжественно лягу на лужайке, книгу подложу под голову и буду лежать весь июнь. Загорать, на облачка смотреть.

Матроскин говорит:

— Ой, я сейчас приеду, только свёклу доварю, Мурку мою подою, в магазин сбегая, за свет заплачу, кое-что стираю... И тоже буду торжественно отдыхать весь июнь. И ещё июль прихватчу.

— Не-а, — говорит Шарик. — А я буду всё лето работать. У меня летом самый фотосезон.

И верно. Шарик летом со своим фоторужьём не расставался. Он мог его с закрытыми глазами, как автомат Калашникова, разобрать, протереть и снова собрать.

— Твою беготню с фотострелялкой и работой назвать нельзя, — сказал Матроскин. — Так, сплошное скакание по полям.

В общем, скоро дядя Фёдор улёгся на поляне — книжка под голову. Шарик рядом лёг, потом и Матроскин пристроился. Тут Печкин идёт со своей почтой.

— Чего это вы тут делаете?

— Мы ничего не делаем. Торжественно.

— Это как торжественно? — спрашивает Печкин.

— А так, — говорит Матроскин. — И вызывающе.

— Они весь июнь так собираются

